

Сагадат Нурмагамбетов

ЛИЦОМ К ОГНЮ

(Глава из книги)

Штурм имперской канцелярии Гитлера – это не какая-то отдельная операция, а всего-навсего один из многочисленных боевых эпизодов Великой Отечественной войны. Но эпизод все-таки особый, запомнившийся мне и моим товарищам навсегда.

На долю нашей дивизии, почти всегда находившейся на решающих направлениях, выпала почетная задача: штурмовать логово врага. Четыре года назад отсюда гитлеровские войска получили приказ начать боевые действия против Страны Советов. И вот теперь мы здесь, в самом центре зловещего фашистского «рейха». Все это наполняло каждого бойца и командира особым чувством. Мы понимали, что участвуем в совершении события исторического значения.

После захвата штурмом зданий министерства авиации и гестапо от имперской канцелярии нас отделяли только развалины. Там засели исключительно эсэсовцы. И не обычные, а головорезы из охраны Гитлера и зданий имперской канцелярии. Мы знали об этом, но нисколько не тушевались. Смело шли в бой – как всегда.

Каждый метр дворца или развалин приходилось брать ценой огромных усилий. Не обходилось и без горьких жертв: смерть каждого однополчанина оставляла отметину на сердце. Мы беспощадно мстили за боевых друзей. Мой заместитель по политчасти капитан М. Цыганков всегда находился с солдатами, воодушевлял их на штурм последнего, но такого важного объекта. Надо сказать, в годы Великой Отечественной войны наши лозунги были лаконичны, кратки. Например: «Солдат, перед тобой опорный пункт, его надо взять!», «Ты должен прицельно вести огонь, бей и еще раз бей фашистов!» Или: «До Берлина осталось 70 км. Кто же возьмет Берлин, если не ты, боец!», «Победа близка, смелее в бой!» и т. д. Они действовали на солдат и офицеров вдохновляюще.

Мы активизировали свои действия. Огневой вал заметно нарастал. Били полковая, дивизионная артиллерия, танки, приданные полку. Под мощным огнем прикрытием бойцы медленно, но все более уверенно продвигались вперед, выбивая фашистов из прочных строений и уничтожая их.

Когда бой перенесся во двор и сад имперской канцелярии, батальону пришлось очень трудно. Орудия и танки не смогли прорваться туда, и стрелки оказались без мощной огневой поддержки. Фашисты сразу же почувствовали это

и усилили сопротивление. Бой ожесточился. Мы, откровенно говоря, боялись неожиданной контратаки, закреплялись на занятом рубеже до подхода подкрепления. Но, видимо, гитлеровцы не были готовы к контратаке, боялись покинуть свои сверхукрепленные позиции. Мы метр за метром продвигались к зданию канцелярии.

День уже клонился к концу, когда неожиданно для нас гитлеровцы прекратили огонь. Внезапная тишина не радовала. В ней было что-то зловещее. Мы насторожились: не уловка ли это? Эсэсовцы способны на всякую подлость. Внимательно наблюдая за поведением противника, я не давал команду на прекращение огня. Стрелки строчили из автоматов по темным глазницам окон, по чердакам, дверям.

Командир полка подполковник А. И. Пешков по радиации спросил меня:

– Немцы стреляют по тебе?

– Нет, товарищ комполка.

– Перед соседями немец машет белым флагом. Смотри, может и перед тобой появятся парламентареры. Если будут, не стреляй, приведи их ко мне.

На нашем участке флагов не было видно.

Через некоторое время снова позвонил командир полка.

– Не стреляй, но бдительности не теряй.

В разрушенном дворе, как в каменном мешке, вдруг воцарилась мертвая тишина. Будто еще секунду назад не было выстрелов, оглушающих взрывов снарядов, мин. Тишина хрупкая, тревожная тишина войны...

Начальник штаба батальона капитан С. Ямпольский взволнованно спросил меня:

– Товарищ майор, не капитуляция ли это?

Я ответил:

– Кто его знает, что там гитлеровцы надумали? Одно ясно – их песенка спета.

В это время оттуда, где перед залегшим соседним полком по-прежнему трепыхался белый флаг, вышло несколько фашистов. Вытянувшись в цепочку, они неторопливо направились в нашу сторону, но затем свернули к позициям 1050-го полка. И со стороны 1050-го стрелкового полка тоже вышло несколько человек. Кто они, мы, конечно, не видели, ибо находились метрах в 500. Впоследствии, когда окончилась война, на совещании у командира дивизии нам стало известно, что встретили и проводили гитлеровцев в штаб полка командир батальона майор Ф. Шаповалов со своим начальником штаба П. Карибским.

После томительного ожидания увидели, что гитлеровцев выпроваживают, а как только они скрылись, бой разгорелся с новой силой. Заахали громовыми голосами орудия, с шипением стали рваться мины, затарахтели пулеметы и автоматы. Облака дыма, гари и пыли закрыли небо. Как это всегда бывает при сильном артобстреле, во рту появилась липкая горькая слюна.

На головы фашистов обрушился ураган стали и свинца. Командир полка приказал выдвинуть на прямую наводку артиллерию, самоходки и танки. Мощь нашего огня еще больше возросла.

Сражение продолжалось весь остаток дня 30 апреля и ночь на 1 мая 1945 года. Несмотря на напряженную боевую обстановку, как обычно, мы тепло поздравили друг друга с Первомайским праздником.

Где-то в полночь гитлеровцы начали размахивать фонарями и белыми флагами. Мы поняли: они снова просят прекратить огонь и принять парламентариев. Все происходило так же, как и в первый раз.

Стрельба прекратилась. Снова ожидание. Что дальше? Мир или еще жертвы? Мы ждем.

Командир полка предупреждает – независимо от хода переговоров быть готовыми к решительному штурму логова Гитлера.

Я сообщил об этом командирам рот и батарей, просил разъяснить задачу каждому солдату, сержанту.

Затишье мы использовали для пополнения боеприпасов, накормили людей горячей пищей. Тут, как всегда, был наготове командир хозвзвода старшина Иван Говорун.

Видимо, данное фашистскому командованию время на обсуждение вопроса о капитуляции истекло. Начальник штаба полка подполковник Штанько позвонил и предупредил:

– Задача – прежняя. Мы наступаем в центре дивизии, справа – 1054-й стрелковый полк, слева – 1050-й. У нас в полку боевой порядок не меняется. Будем штурмовать канцелярию. В 18.30 начнется артиллерийская подготовка и штурм. Будет тяжело, кругом развалины, но нужен стремительный темп.

Этот разговор состоялся примерно часа за полтора до арт-подготовки. Задача была доведена всему личному составу.

Точно в назначенный срок вновь загремели пушки, заскрежетали гусеницы танков. Начался штурм. Через проемы в стенах, выбитые окна и двери, извилистые проходы в грудах развалин стрелки устремились вперед, вытесняя фашистов из занимаемых зданий.

Упорный, кровопролитный бой закипел на участке атаки нашего батальона. Я видел, что не легче и на направлении моих боевых товарищей майоров Емельянова и Бойцова. У нас была почти локтевая связь.

Наши соседние полки вырвались несколько вперед. Большую часть огня противника принимали на себя мы. Однако первая атака имперской канцелярии не удалась и была приостановлена.

Поступает приказ – всем батальонам, во что бы то ни стало, возобновить продвижение вперед.

Артиллерия пробивает в бетонном заборе, которым был обнесен весь квартал имперской канцелярии, дыры, и стрелковые роты 1050-го полка первыми проникают внутрь двора.

Особенно ожесточенная схватка закипела у бетонного бассейна возле одного из входов в канцелярию. Засевшие там эсэсовцы оборонялись отчаянно, не считаясь ни с какими потерями. Их сопротивление становилось все упорнее по мере того, как наши батальоны приближались ко входу в подземный бункер Гитлера. Однако ничто уже не могло отдалить неотвратимый исход. Выведя орудия на прямую наводку, артиллеристы накрыли имперский дворец и подземные убежища лавиной сокрушительного огня.

Вот имена командиров батальонов, штурмовавших имперский дворец, которые остались у меня в памяти. Командир первого батальона 1054-го стрелкового полка майор Г. М. Айрапетян, командир второго батальона того же полка А. Д. Перепелицын, командиры второго и третьего батальонов на-

шого полка майоры В. А. Емельянов и М. П. Бойцов, из 1050-го стрелкового полка – майор Ф. К. Шаповалов. Всех этих замечательных командиров, сослуживцев, равных мне по званию и по должности, я знал хорошо. Часто, если выпадал небольшой перерыв, затишье, командир дивизии собирал нас, и мы обменивались опытом. Мы со своими батальонами первыми штурмовали и взяли имперский дворец.

Трудно выделить особо отличившихся в этом последнем героическом штурме главного логова врага. Перед моими глазами встают боевые товарищи – командиры рот и взводов, командиры отделений и солдаты. Многие из них, штурмуя дворец, так и не увидели окончательного результата. Одни были ранены, другие отдали свою жизнь во имя победы. Были среди них солдаты, которые дошли до Берлина, начав войну с Кавказа. Память о них, верных сынах Родины, живет в моем сердце.

К утру 2 мая нам, командирам батальонов, сообщили из штаба полка, что взят рейхстаг, и просили передать эту весть всему личному составу. Сколько радости вызвала она! Солдаты бросали вверх пилотки, каски, стреляли по толстым стенам, за которыми еще сидели, затаившись, обреченные гитлеровцы.

К обеду позвонил командир полка. Взволнованным голосом сказал:

– Товарищ Нурмагамбетов, передаю вам и всему личному составу радостную весть – враг капитулировал.

Сердце замерло. Я не верил своим ушам, попросил:

– Повторите!

Пешков засмеялся:

– Капитулировали фашисты! Слышишь, дорогой мой Сагадат? Победа!

– Сейчас же сообщу об этом всем! – крикнул я.

Стоявшие рядом со мной капитаны М. Цыганков, С. Ямпольский спросили в один голос:

– Что там, товарищ майор?

Я говорить не мог. Сами собой появились слезы. Впервые за войну. Начал обнимать и целовать боевых друзей. Потом сказал:

– Победа, ребята! Дождались!

Меня услышали бойцы. Начали кричать. Сбежался весь батальон. Что творилось тогда от радости, передать трудно. Стреляли в воздух. Одни смеялись, другие плакали, обнимались. Иван Говорун притащил баян. Началась пляска. Играл он знаменитую барынню, но всяк плясал по-своему. Кто барынню, кто гопака, кто лезгинку...

И частушки запели.

К нам прибыл заместитель командира нашей 301-й стрелковой дивизии полковник Василий Емельянович Шевцов – одна улыбка. Поздравил с победой. Затем отозвал меня в сторону, сказал:

– Пора, товарищ комбат, браться за новое дело.

– За какое, товарищ полковник? – спросил я. – Уже победа!

– Я, комбат, назначен комендантом района имперской канцелярии. Ваш и еще несколько батальонов будут в моем подчинении, Пешков знает, он сам выделил ваш батальон от полка для обороны и охраны дворца, подземного бункера Гитлера и всего квартала с парком и строениями. Кроме вашего будет по батальону из полков Гумерова и Радаева.

– Слушаюсь, товарищ полковник, – ответил я. – Но что тут охранять? Одни развалины.

– А вдруг жив Гитлер, прячется где-нибудь в своей норе? Появятся какие-нибудь фанатики и придут на помощь. Тогда как, товарищ комбат? – спросил Шевцов. У меня вопросов больше не было.

Получив участок, поставил задачу командирам 1-й и 2-й рот, где организовать охрану. 3-ю роту, артбатарею, минбатарею расположил в запыленном, посеченном осколками и пулями саду. Тут подоспел Говорун, начал кормить людей горячим, приговаривая:

– Было время, бродил тут Гитлер, жирок нагуливал. А теперь мы тут. Отдыхайте, братцы.

Гитлеровцы не появлялись. Но фоторепортеров, корреспондентов и просто любителей поглазеть набежало столько, что пришлось останавливать их окриками, а то и щелчком затвора. Таков был приказ полковника Шевцова.

В это время командование дивизии осматривало бункер Гитлера. Искали фюрера. Одни говорили, что якобы Гитлер сбежал, другие – застрелился, третьи – отравился.

Я лично в поисках участия не принимал, а четко выполнял те обязанности, которые были возложены на меня замкомдивом.

Через некоторое время к имперскому дворцу подъехали командующий 5-й Ударной армией, первый комендант Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин и командир корпуса генерал-лейтенант И. П. Рослый. Осмотрев развалины канцелярии, бункер, они покинули дворец.

Что мы увидели после захвата имперского дворца, как он выглядел?

Повсюду внутри дворца – следы только что закончившихся боев: отвалившаяся штукатурка, сорванные люстры, захламленные рухлядью, усыпанные битым стеклом полы, поломанные двери и окна.

Прошли по галерее, ведущей к кабинету Гитлера. В комнатах, в которые мы заглядывали по пути к кабинету фюрера, валялись трупы убитых и застрелившихся эсэсовцев. Их было очень много. Отпетые фашисты боялись возмездия за свои зверства и покончили с собой.

Кабинет Гитлера находился в самом конце галереи. Бросился в глаза огромный стол, обставленный со всех сторон стульями. Затем я увидел большой глобус, испещренный во многих местах знаками. Все здесь показалось мне зловещим и гадким. Я заторопился на свежий воздух.

Наступило 3 мая. Первое утро нашего первого мирного дня. Странно было смотреть на своих боевых друзей: ходят совершенно свободно, ничего не опасаясь, не маскируются, не прижимаются к стенам домов, не посматривают на верхние этажи домов в ожидании автоматной очереди или удара фаустника, как было еще вчера.

Солдаты и офицеры, встречаясь друг с другом, обнимались, целовались, ничуть не смущаясь слез. Бойцы шутили. У всех было веселое, даже беззаботное настроение. Повсюду – Красные флаги. Не слышно выстрелов. Колонны пленных гитлеровцев бесконечными серыми лентами тянулись по разбитым улицам Берлина.

У нас возникли подозрения, что среди гражданского населения могло быть много переодетых гитлеровских вояк, мы были готовы к любой провокации.

Многие берлинцы сразу приступили к расчистке улиц от завалов, щебня, противотанковых «ежей».

Мы по-прежнему охраняли развалины дворца. Приезжали и уезжали офицеры из штабов дивизии, корпуса и армии. Все искали труп Гитлера. Надо сказать, что без разрешения полковника Шевцова к имперской канцелярии мы никого не подпускали. Я лично строго следил за соблюдением установленного порядка.

...В 1989 году во время отдыха я посетил Берлин. Конечно, ничего не узнать. От имперской канцелярии вообще ничего не осталось: на месте огромного дворца возвышался едва заметный бугорок...

4 мая, после обеда, получив разрешение у полковника Шевцова, я с командирами рот совершил экскурсию по городу. Мы осмотрели рейхстаг – мрачное олицетворение поверженного фашистского режима.

Нам давно хотелось взглянуть на него. Исковерканное бомбами и снарядами, почерневшее от гари и копоти, с изуродованными статуями бывших правителей Германии на фасаде, здание рейхстага представляло собой унылое и безотрадное зрелище.

Стены, колонны, двери и даже полы были вкривь и вкось испещрены надписями. Писали чем попало, что только могло оставлять более или менее заметный след на прокопченной поверхности этого ненавистного здания. Я вслух читал: «Волга – Берлин». «Мы прошли от буйного Терека до Берлина».

Много, очень много было надписей. Естественно, и мы оставили свои автографы: каждый из нас написал свою фамилию.

Я подумал, что не было бы ошибкой, если бы написали, что рейхстаг штурмовал и брал весь наш многонациональный народ. И тогда, когда я расписался на стене рейхстага, с трудом найдя свободное местечко, подумал о том, чтобы никогда больше не было войны. Чувствовал себя так, будто выносил ей, проклятой, суровый приговор.

5 мая, к исходу дня, мы передали охрану участка имперской канцелярии 1371-му стрелковому полку 416-стрелковой дивизии и ночью переместились в район Трептов-парка.

7 мая командир корпуса генерал-лейтенант И. П. Рослый провел осмотр нашей дивизии. Он закончился парадным прохождением воинов на одной из больших полян Трептов-парка. Мы с радостью и гордостью прошли стройными колоннами под Боевыми знаменами полков. Впервые после боев за Кубань смотр проводился в такой спокойной обстановке. Красные флаги, развевающиеся над имперской канцелярией, как бы убеждали нас в том, что долгожданный мир, к которому советские воины шли через невиданные лишения и муки четыре долгих года, наступил окончательно.

Незабываемым стало 8 мая. День начался для нас, как и предыдущие, ожиданием какого-то необыкновенного события, хотя до этого их было уже немало. И все-таки мы не ошиблись в своих ожиданиях чего-то сверхъестественного. Начальник штаба подполковник Штанько сообщил, что вечером должно произойти подписание Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Как потом нам стало известно, подписание акта проходило в одном из залов военно-инженерного училища, того самого, что еще недавно штурмом брал наш 1052-й стрелковый полк. А теперь его штурмовали корреспонденты и фоторепортеры.

Настало утро 9 мая.

Заместитель командира полка по политчасти подполковник И. Гужов поздравил меня с победой и сообщил, что скоро будет митинг на площади военного городка.

Начальник штаба батальона капитан С. Ямпольский отдал приказ ротам на построение для участия в митинге, посвященном окончанию войны.

– Победа!!!

Солдаты буквально за несколько минут спустились со всех этажей казарм, в которых были расположены подразделения. Начались рукопожатия, крепкие мужские объятия, поцелуи. Повсюду смех, песни.

Честно говоря, мне порой не верилось, что я в Берлине, что война кончилась. Нет-нет, бывало, да и оглянешься тревожно: не ударят ли в спину из засады? Иногда казалось, что вот-вот зазвучит привычное: «К бою!»

Трудно отвыкать от того, чем жил долгие дни и ночи.

Начался митинг. Многие не могли удержать слезы. И не стыдились их. Это был самый незабываемый, самый счастливый день в моей жизни!

Я вспомнил всех товарищей наших, что остались навеки в земле, стал на колени, лицом на восток, снял фуражку и поклонился до самой земли.

Вечером все сгрудилось у радиоприемника. Затаив дыхание, вслушивались в спокойный голос Левитана, передававшего приказ Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина. Эти слова запали в память на всю жизнь:

«Товарищи красноармейцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы! Поздравляю вас с победным завершением Великой Отечественной войны!»

В ознаменование полной победы над Германией сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий!

Вечная слава Героям, павшим за свободу и независимость нашей Родины!»

Слово «Победа» в эти дни не сходило с уст бойцов и командиров. Куда бы ни шел, везде звучало это великое слово: «Победа».

А в Берлин тем временем возвращались беженцы. Длинные очереди выстраивались у немногих открывшихся продовольственных магазинов и солдатских кухонь. Нам приходилось кормить лишенное продуктов питания население германской столицы.

Командирам было приказано выдавать берлинцам горячую пищу с батальонных кухонь. За батальоном было закреплено несколько домов, люди приходили за едой в назначенный час.

Берлинцы все пристальнее приглядывались к нам. Взгляды, понятное дело, были разные: и заискивающие, и покорные, и затаившие плохо скрываемую ненависть. Но все чаще мы читали в этих взглядах неподдельное удивление. Поведение победителей не укладывалось в сознании немецкого обывателя, воспитанного многолетней фашистской пропагандой. Им вдалбливали одно, а видели они другое: русские не резали, не грабили, не мстили за бесчинства германской армии на советской земле. Напротив, они кормили тех, кого, казалось бы, должны были считать своими смертельными врагами.

То были дни, когда начали зарождаться первые семена дружбы между народами обеих стран.

Мы привыкали к тому, что вокруг стояла тишина, что нас не поднимали по тревоге, что ежеминутная угроза смерти ушла куда-то в небытие. Только по ночам нам все еще снилось пережитое: неприятельские атаки и свист горячего металла над головой.

Впрочем, эти сны приходили к нам и много лет спустя.

24 июня мы вновь с большим волнением собрались у радиоприемников – шла прямая трансляция Парада Победы на Красной площади в Москве.

Мы гордились тем, что принимал парад командующий нашим 1-м Белорусским фронтом, один из прославленных полководцев Великой Отечественной войны Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Гордились мы и тем, что один из сводных полков на параде вел командир нашего 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант Иван Павлович Рослый.

Итак, свершилось то, что неминуемо должно было свершиться. Фашистская Германия была повержена. В результате мощных ударов наших славных Вооруженных Сил фашистское государство прекратило свое существование. То, что началось под Москвой и Сталинградом, было довершено здесь, в Берлине. Советские войска с честью выполнили свой священный долг перед Отечеством, принесли свободу многим народам Европы.

Сагадат Кожяхметович Нурмагамбетов родился 25 мая 1924 года в селе Трудовое Алексеевской волости Акмолинской губернии. Герой Советского Союза, Халық Қаһарманы, генерал армии, первый министр обороны РК.

В 1942 году со школьной скамьи был призван в армию и направлен в Туркменистан, в военное училище в городе Кушка. С апреля 1943 до мая 1945 года в качестве командира пулемётного взвода, командира пулемётной роты, командира стрелкового батальона участвовал в освобождении Краснодарского края, Украины, Молдавии, Западной Белоруссии, Польши. 27 февраля 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования во время прорыва обороны противника на территории Польши и проявленные при этом отвагу и героизм ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Батальон С. Нурмагамбетова участвовал в штурме здания рейхсканцелярии.

После окончания в 1949 году Военной академии им. М. И. Фрунзе проходил службу в Туркестанском и Среднеазиатском военных округах, был первым заместителем командующего войсками Южной группы войск (Венгрия). В 1991 году был назначен председателем Государственного Комитета обороны, а затем – министром обороны РК. В мае 1994 года С. К. Нурмагамбетову присвоено звание Халық Қаһарманы с вручением «Золотой Звезды» № 1.

О ратном пути и многолетней службе в Вооруженных Силах Сагадат Кожяхметович рассказал в своих книгах «Лицом к огню», «Мой передний край», «А в памяти нет тишины».

